

МОСКОВСКИЙ КОММУНАЛЬЩИК
МОСКВА

«Какова сверхзадача вашего приезда?» — на первой минуте нашего знакомства спросил меня главный режиссер драматического народного театра Геннадий Каретников.

Я, признаться, ступешался. Что касается задачи — рассказать об орехово-зуевском театре, тут вроде бы все было ясно. Но вот о своей «сверхзадаче» я не имел ни малейшего понятия.

И только сидя в полуночной электричке и прокручивая в памяти события дня, я услышал ненавязчивый мотив, пробивающийся сквозь трафарет командировочного отчета. И этот мотив ОДНОЙ ЛЮБВИ стремительно подхватили всплывшие фонарей на черном экране окна.

Исторический зонтик

КАК ИЗВЕСТНО, фабрикант Савва Морозов был богачем и меценатом. Обветшавшая от времени афиша 1912 года свидетельствует о том, что на его средства при фабриках товарищества Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сын и К^о» был открыт «Зимний театр», где играли в основном рабочие этих предприятий. Вот фото К. С. Станиславского с дарственной надписью. А вот «прима» группы — Евдокия Ивановна Харламова, как бы мы сказали сегодня — фактурная актриса. Самые запоминающиеся экспонаты музея театра — старинные сценические костюмы — переданы в дар ее дочерью. Особенно поражает посетителя розовый солнечный зонтик. Такой, знаете ли, с длинной-предлинной ручкой, с изящными рюшечками по краям обтянутого материей каркаса. Совершенно «чеховский». Дама с собачкой, должно быть, отправлялась на прогулку с точно таким, дыша духами и туманами.

Я разглядываю стенды с современными фотографиями и заносу в блокнот светлые даты из истории орехово-зубовского театра, в 1980 году ставшего народным:

1964 г. — театру присвоено звание спутник МХАТ СССР им. А. М. Горького;

1972 г. — лауреат фестиваля самодеятельных театров в г. Табор (ЧССР) за спектакль Т. Ян «Девочка и апрель»;

1977 г. — за спектакль по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» театр получил звание лауреата I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся.

Вот какой он титулованный, этот театр — лауреат премии комсомола Подмосковья.

Мы сидим с Г. Каретниковым в его кабинете, он спрашивает о «сверхзадаче» моего визита, и, пока я думаю, что бы такое ответить, дверь спасительно открывается, и входит женщина. «Познакомьтесь, — говорит главреж, — Лидия Николаевна Харламова, ветеран войны, актриса нашего театра».

Поймав мой вопросительный взгляд, он добавляет: «Да, дочь той самой актрисы под розовым зонтиком, о которой благожелательно отзывался сам Станиславский».

С чертом внутри

ЗАСЛУЖЕННЫЙ работник культуры РСФСР Геннадий Каретников учителствует в средней школе. Он по-юношески эмоционален:

— Это, кажется, Щепкин сказал — театр либо проглатывает человека, либо изрыгает его: третьего не дано. Как человек, отдавший театру четверть века, я убедился, что он как в воду глядел. В каждом из тридцати двух актеров труппы сидит

дит маленький чертик. Актёр без черта внутри — не актер. Заметьте: чем глубже человек погружается в жизнь, чем больше у него нагрузки — семья, дети, учеба и так далее, — тем крепче он привязывается к театру. Театр — средство отвлечься от рутины? И это тоже. Но главное — он утоляет жажду высокого драматического искусства. Я бы покривил душой, если бы стал утверждать, что никто от нас не

уходит. Уходят, но связь с театром не теряют. Уходят, чтобы однажды вернуться.

Как правило, у нас в ходу пять рабочих спектаклей за сезон. Играем два-три раза в месяц, не считая выездов в школы, техникумы, на предприятия. У нас есть свой зритель, знаете, даже бывали аншлаги. На «Женитьбе» Гоголя, например. Лучшие спектакли мы показывали на мхатовской сцене, правда, в последнее время шефы нас что-то не приглашали. Впрочем, это и понятно: подлинных удач рождаются не каждый год. Проблем у нас масса. Скажем, только что мы отметили 100-летие Морозовской стачки. Ради одного театрализованного представления релетировали полгода. И с молодежью у нас проблема, мало молодежи в основной труппе. Думаем, как ее привлечь в театр. Привлечь, не заманивая калачом.

Я мог бы взять актеров-профессионалов. Но практика показывает, что профессиональная «братия» у нас работает хуже любителей. Поверьте моему опыту. У нас в театре только две ставки. Что было бы, если бы всем дали деньги? Ничего путного: рубль, я убежден, разрушает саму идею народного творчества.

А народ здесь замечательный. Наваливается жизнь на актера, и бросает он сцену, уходит. Ан, глядь, через пару годков — тут как тут. Черт в нем сидит и тянет назад. И нту с ним, с чертом, сладу.

...Мы спускаемся вниз, в зал, где с минуты на минуту начнется репетиция. А мне неожиданно вспоминается прилепившийся к памяти случай...

«Нас возвышающий обман»

В СВОЕ ВРЕМЯ я работал бок о бок, точнее сказать — стол в стол с отличным переводчиком, профессионалом из профессионалов. Все восемь часов кряду он, как прибитый к стулу, не вставал из-

за машинки, и к концу дня казалось, что она раскалена добела и дымится.

И вот как-то раз Иван Иванович (назовем его так) оторвался от печатания и вышел покурить. Это было событие! «У вас неприятности?» — спросил я его. «Жутко волнуясь», — признался он. — Через три дня премьера». Так я узнал о его тайной страсти. Впрочем, она, как вы догадываетесь, имеет непосредственное отношение к рассказу.

Стоит ли говорить, что три дня спустя я сидел в зале маленького клуба и наблюдал за Иваном Ивановичем в его новом качестве. Давали Чехова. Увы, спектакль трещал по швам и был... никакой.

«Ну как?» — бросился ко мне Иван Иванович сразу после жидких участливых хлопков. В его взгляде, в его интонации сияла такая надежда, что я без раздумий

брякнул: «Гениально! Чехов бы рыдал... А уж вы, Иван Иванович, вы...».

Боже мой, таких иллюминирующих счастьем глаз я не видел ни у кого — ни до, ни после. Не знаю, правильно ли я тогда поступил, подбросив дров в иллюзию. Думаю — да, правильно. Для одинокого Ивана Ивановича этот самодеятельный театр значил больше, чем просто одушина-хобби, — это была реализация его любви. И чего бы стоил его переводческий дар без этой «другой жизни», без этого прорыва в самого себя.

А может, лучше уж делать что-то одно, зато первоклассно?

Но куда же его девать — черта, который внутри?

Не ходите по истоптанным путям!

СПОРТИВНЫЕ журналисты часто сравнивают театральное действо с футболом. Займем у них это сравнение и спросим себя: возможно ли, чтобы команда второй лиги играла на равных с командой из высшей? — Наверяд ли. Но разве нам не хотелось бы, чтобы так было? Хотя бы в идеале. И разве не должна к этому стремиться команда второго эшелона? Но для достижения столь высокой цели ей нужен «пустяк» — своя игра.

А что нужно самодеятельному театру? Искать свой театральный язык, свою сценическую атмосферу. Самодеятельный театр должен рисковать. Смысл его существования, по-видимому, еще и в том, чтобы растить в своих недрах зрителей-профессионалов. Рост зрительского мастерства (если можно так сказать) будет стимулировать и будоражить работу профессиональных коллективов, ведь хорошо подготовленный массовый зритель в «неживой», закрытый для эксперимента театр попросту не пойдет. Помните, чем откликнулся болельщик на душный, оборо-

нительный футбол конца 70-х? Он перестал посещать стадионы.

Сейчас мы сетуем на повсеместное падение интереса к театру, обвиняем молодежь в «нетеатральности». Так ли это в действительности? Попробуйте попасть в те (правда, немногочисленные) театры, где не предаются забвению его карнавалы, зрелищные корни. Все знают: билетов туда не достать.

Так не справедливой ли было бы говорить — и на конкретных примерах! — об отставании режиссуры от запросов времени? О нехватке проблемной, полемической, социальной драматургии? О том, наконец, что без нового театрального языка театр получит смертельное ранение в «дуэли» с бурно развивающимися кино, телевидением?

Как бы то ни было, все театральные проблемы начинаются с крошечного организма — с самодеятельного театра. И от того, каков он сейчас и куда идет, зависит общая театральная ситуация. Ни один век не ответил отрицательно на вопрос — любит ли он театр? Но в наше время даже сверхпафосное: «Да, мы обожаем театр!» — прозвучит, как холостой выстрел, если мы будем к нему относиться музейно. Ибо театр — это действие. Будни и праздники орехово-зубовского коллектива, который знают, любят в городе, и становятся таким действием.

Игра всерьез

МЫ ЛЕНИВЫ и нелюбопытны. На выходе из комсомольского возраста мы нередко резко «стареваем». На собственное участие в студенческих агитбригадах и концертах, на бытовое стояние в очередях в театральные кассы мы смотрим как на — если не глупое, то весьма пустое — времяпрепровождение. Когда же нам раз в год предлагают билеты в театр, мы колеблемся: телевизор как-то привычнее, и, кстати, сегодня футбол.

На выходе из комсомольского возраста иные из нас, увы, расстаются с идеей подвижности.

А теперь представьте себе такую картину: в народном театре после (не самой легкой) работы каждый вечер собираются 32 человека, чтобы выйти на подмостки: педагог Нина Александровна Агафонова, мать троих детей, мастер объединения «Карболит» Валерий Васильевич Назаров, инженер того же объединения Борис Иванович Дерезащиков и многие-многие другие. Что движет ими? Тщеславие, этот вечный мотор творчества? Но, как сказал бы Эразм Роттердамский, «столь немногим станут они известны, если вспомнить о широте и необъятности мира». Стоп! Так ли уж немногим? А сотни и сотни зрителей? Разве мало того, что зритель верит им так, как они сами верят в будущее своего дела?

Подвижность — это фермент искусства. Без подвижников, как ни банально это звучит, захирела бы сама идея искусства. И, когда думаешь, что в стране есть миллионы влюбленных во «вторую реальность» людей, о каких-то минусах самодеятельных театров забываешь. И мысленно жмешь руку каждому актеру.

А. МАРКЕВИЧ.

г. Орехово-Зуево.